

Призраки

Фантазия

*Миг один... и нет волшебной сказки —
И душа опять полна возможным...*

А. Фет.

I

Я долго не мог заснуть и беспрестанно переворачивался с боку на бок. «Черт бы побрал эти глупости с вертящимися столами! — подумал я. — Только нервы расстраивать...» Дремота начала наконец одолевать меня...

Вдруг мне почудилось, как будто в комнате слабо и жалобно прозвенела струна.

Я приподнял голову. Луна стояла низко на небе и прямо глянула мне в глаза. Белый как мел лежал ее свет на полу... Явственно повторился странный звук.

Я оперся на локоть. Легкий страх щипнул меня за сердце. Прошла минута, другая... Где-то далеко прокричал петух; еще дальше отозвался другой.

Я опустил голову на подушку. «Вот до чего можно довести себя, — подумал я опять, — в ушах звенеть станет».

Спустя немного я заснул — или мне казалось, что я заснул. Мне привиделся необыкновенный сон.

Мне чудилось, что я лежу в моей спальне, на моей постели — и не сплю и даже глаз не могу закрыть. Вот опять раздается звук... Я оборачиваюсь... След луны на полу начинает тихонько приподниматься, выпрямляется, слегка округляется сверху... Передо мной, сквозя как туман, неподвижно стоит белая женщина.

— Кто ты? — спрашиваю я с усилием.

Голос отвечает, подобный шелесту листьев:

— Это я... я... я... Я пришла за тобой.

— За мной? Да кто ты?

— Приходи ночью на угол леса, где старый дуб. Я там буду.

Я хочу взглянуть в черты таинственной женщины — и вдруг невольно вздрагиваю: на меня пахнуло холодом. И вот я уже не лежу, а сижу в своей постели — и там, где, казалось, стоял призрак, свет луны белеется длинной чертою по полу.

II

День прошел кое-как. Я, помнится, принимался читать, работать... ничего не клеилось. Настала ночь. Сердце билось во мне, как будто ждало чего-то. Я лег и повернулся лицом к стене.

— Отчего же ты не пришел? — раздался в комнате явственный шепот.

Я быстро оглянулся.

Опять она... опять таинственный призрак. Неподвижные глаза на неподвижном лице — и взор исполнен печали.

— Приходи! — слышится снова шепот.

— Приду, — отвечаю я с невольным ужасом. Призрак тихо качнулся вперед, смешался весь, легко волнуясь, как дым, — и луна опять мирно забелела на гладком полу.

III

Я провел день в волнении. За ужином я выпил почти целую бутылку вина, вышел было на крыльцо, но вернулся и бросился в постель. Кровь тяжело колыхалась во мне.

Опять послышался звук... Я вздрогнул, но не оглянулся. Вдруг я почувствовал, что кто-то тесно обнял меня сзади и в самое ухо мне лепечет: «Приди, приди, приди...» Затрепетав от испуга, я простонал:

— Приду! — и выпрямился.

Женщина стояла наклонясь возле самого моего изголовья. Она слабо улыбнулась и исчезла. Я, однако, успел разглядеть ее лицо. Мне показалось, что я видел ее прежде; но где, когда? Я встал поздно и целый день бродил по полям, подходил к старому дубу на окраине леса и внимательно осматривался кругом.

Перед вечером я сел у раскрытого окна в своем кабинете. Старуха ключница поставила передо мною чашку чаю — но я не прикасался к ней... Я все недоумевал и спрашивал себя: «Не с ума ли я схожу?» Солнце только что закатилось, и не одно небо зарделось — весь воздух внезапно наполнился каким-то почти неестественным багрянцем: листья и травы, словно покрытые свежим лаком, не шевелились; в их окаменелой неподвижности, в резкой яркости их очертаний, в этом сочетании сильного блеска и мертвой тишины было что-то странное, загадочное. До-

вольно большая серая птица вдруг, безо всякого шума, прилетела и села на самый край окна... Я посмотрел на нее — и она посмотрела на меня сбоку своим круглым темным глазом. «Уж не прислали ли тебя, чтобы напомнить?» — подумал я.

Птица тотчас взмахнула своими мягкими крыльями и улетела по-прежнему без шума. Я долго еще сидел у окна, но я уже не предавался недоумению: я как будто попал в заколдованный круг — и неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, как, еще задолго до водопада, стремление потока увлекает лодку. Я встрепенулся наконец. Багрянец воздуха давно исчез, краски потемнели, и прекратилась заколдованная тишина. Ветерок запорхал, луна все ярче выступала на посиневшем небе, — и скоро листья деревьев заиграли серебром и чернью в ее холодных лучах. Моя старуха вошла в кабинет с зажженной свечкой, но из окна дохнуло на нее — и пламя погасло. Я не мог выдержать более, вскочил, нахлобучил шапку и отправился на угол леса к старому дубу.

IV

В этот дуб, много лет тому назад, ударила молния; верхушка переломилась и засохла, но жизни еще сохранилось в нем на несколько столетий. Когда я стал подходить к нему, на луну набежала тучка: было очень темно под его широкими ветвями. Сперва я не заметил ничего особенного; но глянул в сторону — и сердце во мне так и упало: белая фигура стояла неподвижно возле высокого куста, между дубом и лесом. Волосы слегка зашевелились у меня на голове; но я собрался с духом — и пошел к лесу.

Да, это была она, моя ночная гостя. Когда я приблизился к ней, месяц засиял снова. Она казалась вся как бы соткана из полупрозрачного, молочного тумана — сквозь ее лицо мне виднелась ветка, тихо колеблемая ветром, — только волосы да глаза чуть-чуть чернели, да на одном из пальцев сложенных рук блистало бледным золотом узкое кольцо. Я остановился перед нею и хотел заговорить; но голос замер у меня в груди, хотя собственно страха я уже не ощущал. Ее глаза обратились на меня: взгляд их выражал не скорбь и не радость, а какое-то безжизненное внимание. Я ждал, не произнесет ли она слова, но она оставалась неподвижной и безмолвной и все глядела на меня своим мертвенно-пристальным взглядом. Мне опять стало жутко.

— Я пришел! — воскликнул я наконец с усилием.

Глухо и чудно раздался мой голос.

— Я тебя люблю, — послышался шепот.

— Ты меня любишь! — повторил я с изумлением.

— Отдайся мне, — снова прошелестило мне в ответ.

— Отдаться тебе! Но ты призрак — у тебя и тела нет. — Странное одушевление овладело мною. — Что ты такое, дым, воздух, пар? Отдаться тебе! Отвечай мне сперва, кто ты? Жила ли ты на земле? Откуда ты явилась?

— Отдайся мне. Я тебе зла не сделаю. Скажи только два слова: возьми меня.

Я посмотрел на нее. «Что это она говорит? — подумал я. — Что это все значит? И как же она возьмет меня? Или попытаться?»

— Ну, хорошо, — произнес я вслух и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнул. — Возьми меня!

Не успел я произнести эти слова, как таинственная фигура с каким-то внутренним смехом, от которого на миг задрожало ее лицо, покачнулась вперед, руки ее отделились и протянулись... Я хотел было отскочить; но я уже был в ее власти. Она обхватила меня, тело мое поднялось на пол-аршина от земли — и мы оба понеслись плавно и не слишком быстро над неподвижной мокрой травой.

V

Сперва у меня голова закружилась — и я невольно закрыл глаза... Минуту спустя я открыл их снова. Мы неслись по-прежнему. Но уже леса не было видно; под нами расстилалась равнина, усеянная темными пятнами. Я с ужасом убедился, что мы поднялись на страшную высоту.

«Я пропал, я во власти сатаны», — сверкнуло во мне, как молния. До того мгновенья мысль о наваждение нечистой силы, о возможности гибели мне в голову не приходила. Мы все мчались и, казалось, забирали все выше и выше.

— Куда ты несешь меня? — простонал я наконец.

— Куда хочешь, — отвечала моя спутница. Она вся прильнула ко мне; лицо ее почти прислонилось к моему лицу. Впрочем, я едва ощущал ее прикосновение.

— Опустите меня на землю; мне дурно на этой высоте.

— Хорошо; только закрой глаза и не дыши.

Я послушался — и тотчас же почувствовал, что падаю, как брошенный камень... воздух засвистал в моих волосах. Когда я опомнился, мы опять плавно неслись над самой землей, так что цеплялись за верхушки высоких трав.

— Поставь меня на ноги, — начал я. — Что за удовольствие летать? Я не птица.

— Я думала, что тебе приятно будет. У нас другого занятия нет.

— У вас? Да кто вы такие?

Ответа не было.

— Ты не смеешь мне это сказать?

Жалобный звук, подобный тому, который разбудил меня в первую ночь, задрожал в моих ушах. Между тем мы продолжали чуть заметно двигаться по влажному ночному воздуху.

— Пусти же меня! — промолвил я.

Спутница моя тихо отклонилась — и я очутился на ногах. Она остановилась передо мной и снова сложила руки. Я успокоился и посмотрел ей в лицо: по-прежнему оно выражало покорную грусть.

— Где мы? — спросил я.

Я не узнавал окрестных мест.

— Далеко от твоего дома, но ты можешь быть там в одно мгновенье.

— Каким это образом? Опять довериться тебе?

— Я не сделала тебе зла и не сделаю. Полетаем с тобой до зари, вот и все. Я могу тебя отнести, куда только ты вздумаешь — во все края земли. Отдайся мне! Скажи опять: возьми меня!

— Ну... возьми меня!

Она опять припала ко мне, ноги мои опять отделились от земли — и мы полетели.

VI

- Куда? — спросила она меня.
- Прямо, все прямо.
- Но тут лес.
- Поднимись над лесом — только тише.

Мы взмыли кверху, как вальдшнеп, налетевший на березу, и опять понеслись в прямом направлении. Вместо травы вершины деревьев мелькали у нас под ногами. Чудно́ было видеть лес сверху, его щетинистую спину, освещенную луной. Он казался каким-то огромным, заснувшим зверем и сопровождал нас широким непрерывным шорохом, похожим на невнятное ворчанье. Кое-где попадалась небольшая поляна; красиво чернела с одной ее стороны зубчатая полоса тени... Заяц изредка жалобно кричал внизу; вверху сова свистала, тоже жалобно; в воздухе пахло грибами, почками, зорей-травой; лунный свет так и разливался во все стороны — холодно и строго; «стожары» блистали над самой головой. Вот и лес остался позади; в поле протянулась полоса тумана: это река текла. Мы понеслись вдоль одного из ее берегов над кустами, отяжелевшими и неподвижными от сырости. Волны на реке то лоснились синим лоском, то катились темные и словно злые. Местами странно двигался над ними тонкий пар — и чашки водяных лилий девственно и пышно белели всеми своими распутившимися лепестками, точно знали, что до них добраться невозможно. Мне вздумалось сорвать одну из них — и вот я уже очутился над самой гладью реки... Сырость неприязненно ударила мне в лицо, как только я перервал тугой стебель крупного цветка. Мы начали перелетывать с берега на берег, как кулички-песочники,

которых мы то и дело будили и за которыми гнались. Нам не раз случалось налетать на семейку диких уток, расположенных кружком на чистом местечке между тростниками, но они не шевелились; разве одна из них торопливо вынет шею из-под крыла, посмотрит, посмотрит и хлопотливо засунет опять нос в пушистые перья, а другая слабо крякнет, причем все ее тело немножко дрогнет. Мы испугнули одну цаплю: она поднялась из ракитового куста, болтая ногами и с неуклюжим усилием махая крыльями; тут она мне показалась действительно похожей на немца. Рыба нигде не плескалась — спала тоже. Я начинал привыкать к ощущению полета и даже находил в нем приятность: меня поймет всякий, кому случалось летать во сне. Я принялся с большим вниманием рассматривать странное существо, по милости которого со мной совершались такие неправдоподобные события.

VII

Это была женщина с маленьким нерусским лицом. Иссера-беловатое, полупрозрачное, с едва означенными тенями, оно напоминало фигуры на алебастровой, изнутри освещенной вазе — и опять показалось мне знакомым.

— Можно с тобой говорить? — спросил я.

— Говори.

— Я вижу у тебя кольцо на пальце; ты, стало быть, жила на земле — ты была замужем?

Я остановился... Ответа не было.

— Как тебя зовут — или звали по крайней мере?

— Зови меня Эллис.

— Эллис! Это английское имя! Ты англичанка? Ты знала меня прежде?

— Нет.

— Отчего же ты именно ко мне явилась?

— Я тебя люблю.

— И ты довольна?

— Да; мы носимся, мы кружимся с тобою по чистому воздуху.

— Эллис! — сказал я вдруг, — ты, может быть, преступная, осужденная душа?

Голова моей спутницы наклонилась.

— Я тебя не понимаю, — шепнула она.

— Заклинаю тебя именем Бога... — начал было я.

— Что ты говоришь? — промолвила она с недоумением. — Я не понимаю. — Мне показалось, что рука, лежавшая холодноватым поясом вокруг моего стана, тихо шевельнулась...

— Не бойся, — промолвила Эллис, — не бойся, мой милый! — Ее лицо обернулось и придвинулось к моему лицу... Я почувствовал на губах моих какое-то странное ощущение, как бы прикосновение тонкого и мягкого жала... Незлые пиявки так берутся.

VIII

Я взглянул вниз. Мы уже опять успели подняться на довольно значительную высоту. Мы пролетали над неизвестным мне уездным городом, расположенным на скате широкого холма. Церкви высились среди темной массы деревянных крыш, фруктовых садов; длинный мост чернел на изгибе реки; все молчало, отягченное сном. Самые куполы и кресты, казалось, блестели безмолвным блеском; безмолвно тор-

чали высокие шесты колодцев возле круглых шапок ракушек; белесоватое шоссе узкой стрелой безмолвно впивалось в один конец города и безмолвно выбегало из противоположного конца на сумрачный простор однообразных полей.

— Что это за город? — спросил я.

— ...сов.

— ...сов в ...ой губернии?

— Да.

— Далеко же я от дому!

— Для нас отдаленности нет.

— В самом деле? — Внезапная удаля вспыхнула во мне. — Так неси же меня в Южную Америку!

— В Америку не могу. Там теперь день.

— А мы с тобой ночные птицы. Ну, куда-нибудь, куда можно, только подальше.

— Закрой глаза и не дыши, — отвечала Эллис. И мы помчались с быстротою вихря. С потрясающим шумом врвался воздух в мои уши.

Мы остановились, но шум не прекращался. Напротив: он превратился в какой-то грозный рев, в громовой гул...

— Теперь можешь открыть глаза, — сказала Эллис.

IX

Я повиновался... Боже мой, где я?

Над головой тяжелые дымные тучи; они теснятся, они бегут, как стадо злобных чудовищ... А там, внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... Белая пена судорожно сверкает и кипит на нем буграми — и, вздымая косматые волны, с грубым грохотом бьет оно в громадный, как смоль черный,

утес. Завывание бури, леденящее дыхание расколы-хавшейся бездны, тяжкий плеск прибоя, в котором по временам чудится что-то похожее на вопли, на далекие пушечные выстрелы, на колокольный звон, раздирающий визг и скрежет прибрежных гольшей, внезапный крик невидимой чайки, на мутном небо-склоне шаткий остов корабля — всюду смерть, смерть и ужас... Голова у меня закружилась — и я снова с замирианием закрыл глаза...

— Что это? Где мы?

— На южном берегу острова Уайт, перед утесом Блэк-ганг, где так часто разбиваются корабли, — промолвила Эллис, на этот раз особенно отчетливо и, как мне показалось, не без злорадства.

— Неси меня прочь, прочь отсюда... Домой! Домой!

Я сжался весь, стиснул лицо руками... Я чувствовал, что мы понеслись еще быстрее прежнего; ветер уже не выл и не свистал — он визжал в моих волосах, в моем платье... дух захватывало...

— Стань же на ноги, — раздался голос Эллис.

Я силился овладеть собою, своим сознанием... Я ощущал под подошвами землю и не слышал ничего, точно все замерло кругом... только в виски неровно стучала кровь и с слабым внутренним звоном все еще кружилась голова. Я выпрямился и открыл глаза.

Х

Мы находились на плотине моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракич, виднелась его широкая гладь с кое-где приставшими волокнами пушистого тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; налево вздымались деревья сада, длинные, непо-

движные и как будто сырые... Утро уже дохнуло на них. По чистому серому небу тянулись, словно полосы дыма, две-три косые тучки; они казались желтоватыми — первый слабый отблеск зари падал на них бог весть откуда: глаз еще не мог различить на побелевшем небосклоне то место, где она должна была заняться. Звезды исчезали; ничего еще не шевелилось, хотя все уже просыпалось в очарованной тишине раннего полусвета.

— Утро! Вот утро! — воскликнула над самым моим ухом Эллис... — Прощай! До завтра!

Я обернулся... Легко отделяясь от земли, она плыла мимо — и вдруг подняла обе руки над головою. Эта голова, и руки, и плечи мгновенно вспыхнули телесным, теплым цветом; в темных глазах дрогнули живые искры; усмешка тайной неги шевельнула покрасневшие губы... Прелестная женщина внезапно возникла передо мною... Но, как бы падая в обморок, она тотчас опрокинулась назад и растаяла, как пар.

Я остался недвижим.

Когда я опомнился и оглянулся, мне показалось, что телесная, бледно-розовая краска, пробежавшая по фигуре моего призрака, все еще не исчезла и, разлитая в воздухе, обдавала меня кругом... Это заря загоралась. Я вдруг почувствовал крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьего двора, я услышал первое утреннее лепетанье гусенят (раньше их ни одна птица не просыпается); вдоль крыши на конце каждой притужины сидело по галке — и все они хлопотливо и молча очищались, четко рисуясь на молочном небе. Изредка они разом все поднимались — и, полетав немного, садились опять рядом, без крика... Из недалевого леса два раза принеслось сипло-свежее чuffyканье черныша-тетерева, только что слетевшего